

Е.М. Чекалина
(Москва, Россия)

Выражение неспецифицированного агенса в шведском и русском языках: контрастивный анализ и перевод

Аннотация: В статье содержится контрастивное описание способов выражения неопределенно-личного агенса в шведском и русском языках. Выражение пассивного залога с имплицитным агенсом в шведском и русском языках проявляет системно-типологическое сходство, поскольку в обоих языках имеются формы с возвратным показателем (-ся/-s) и аналитические конструкции с пассивным причастием, хотя в функционально-семантическом плане между ними наблюдаются существенные различия. Поэтому основное внимание в статье уделяется способам выражения неспецифицированного агенса в активном залоге, которые обусловлены принципиальными различиями в грамматическом строе этих языков. В шведском языке основным из них является неопределенно-личное местоимение *man* в синтаксической функции грамматического субъекта, а в русском языке – особые функции согласовательных категорий глагола в предикатах односоставных предложений с формами 3 лица множественного числа и 2 лица единственного числа. Сопоставительный анализ проводится на материале текстов из художественных произведений на языке оригинала и их переводов как со шведского на русский, так и с русского на шведский язык. При этом учитываются функционально-прагматические различия не только между шведским и русским языками, но и между односоставными неопределенно-личными и обобщенно-личными высказываниями с различным грамматическим оформлением предикатов в русском языке. Контекстуальный анализ лексико-синтаксических и стилистических аспектов выбора переводных эквивалентов выявляет и другие, более периферийные средства выражения неопределенно-личного агенса при сохранении основного структурно-синтаксического различия между языками. Это проявляется в обязательной двусоставности шведских предложений с различными местоимениями в функции неопределенно-личного грамматического субъекта (*någon* ‘кто-то’; *vi* ‘мы’; *de* ‘они’; *flera* ‘некоторые’) и вариативности односоставных предложений с неопределенно-личными предикатами различной структуры в русском языке.

Ключевые слова: контрастивный анализ, переводной эквивалент, неспецифицированный агенс, неопределенно-личное местоимение, неопределенно-личное предложение

Expressing an Unspecified Agent in Swedish and Russian: A Comparative Analysis and Translation Practice

Abstract. The article presents a contrastive description of the ways of expressing the indefinite-personal agent in Swedish and Russian. Expressing the passive voice with an implicit agent in Swedish and Russian exhibits a systemic-typological similarity as both languages have forms with reflexive markers (-ся/-s) and analytic constructions with passive participles, although in functional-semantic terms there are significant discrepancies between them. The main focus of the article is therefore the ways of expressing an unspecified agent in the active mood, which are conditioned by the principle differences between the grammatical systems of these two languages. In Swedish the main means for that is the indefinite-personal pronoun *man* in the syntactic function of grammatical subject, and in Russian – special functions of verbal agreement categories in the predicates of mononuclear sentences with 3rd person plural and 2nd person singular forms. The contrastive analysis is carried out on the basis of literary fiction texts in the original language and their translations both from Swedish to Russian and from Russian to Swedish. It includes taking into account functional-pragmatic differences not only between Swedish and Russian, but also between mononuclear indefinite-personal and generalised-personal utterances with differently encoded grammatical predicates in Russian. A contextual analysis of lexical-syntactic and stylistic aspects of choosing translation equivalents exposes still other, more peripheral ways of expressing indefinite-personal agents while preserving the main structural-syntactic differences between the languages. This is manifest in the binuclearity of Swedish sentences with various pronouns in the function of indefinite-personal grammatical subject (*någon* ‘somebody’; *vi* ‘we’; *de* ‘they’; *flera* ‘several / some people’) and the variation in mononuclear sentences with indefinite-personal predicates of various structure in Russian.

Key-words: comparative analysis, translation equivalent, unspecified agent, indefinite-personal pronoun, indefinite-personal sentence

Особенности выражения неопределенно-личного агенса, обусловленные различиями в синтаксической структуре предложений и в морфологической системе словоизменительных категорий глагола, представляют значительный интерес для контрастивного анализа шведского и русского языков. В русском языке при «умолчании о субъекте»¹ используется функционально-семантический потенциал согласовательных категорий лица и числа глагола в структуре «семантически самодостаточных»² односоставных предложений двух типов. В неопределенно-личных предложениях с формами 3 лица множественного числа настоящего, прошедшего и будущего времени содержится идея «несущественной субъектности»³, которая предполагает исключение говорящего из числа возможных референтов нулевого подлежащего и его «отчужденность, дистанцированность»⁴, «отстраненность»⁵ от

¹ Виноградов В.В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Вып. 2. М., 1938. С. 367.

² Шелякин М.А. О семантике неопределенно-личных предложений // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. М., 1991. С. 62.

³ Шелякин М.А. *Op. cit.* С. 70; Падучева Е.В. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 31.

⁴ Падучева Е.В. *Op. cit.* С. 33.

⁵ Шелякин М.А. *Op. cit.* С. 68.

подразумеваемого субъекта. Поэтому неспецифицированный агент «никогда не находится в фокусе эмпатии, ситуация никогда не описывается с его точки зрения»¹.

В обобщенно-личных предложениях с формами 2 лица единственного числа настоящего / будущего времени подразумеваемый агент, напротив, находится в фокусе эмпатии, а говорящий может быть включен в неопределенное множество референтов нулевого подлежащего. Ср.: *Неприятно, когда тебя обманывают. – Неприятно, когда обманываешь того, кто верит каждому твоему слову*²; *С начальством не спорят. – С тобой не поспоришь*³. Таким образом, грамматическое лицо играет определяющую роль в прагматической семантике таких высказываний, поскольку подразумеваемый субъект является «именно лицом, а не произвольной сущностью, как в обычном двусоставном предложении»⁴. Согласовательная категория в этих случаях «довлеет сама себе и с а м а обозначает лицо»⁵. Оба типа неопределенно-личных предложений представляют собой «две особые разновидности к а т е г о р и и л и ц а в русском языке и две особые ф о р м ы м ы ш л е н и я говорящего по-русски человека»⁶.

В отличие от русского, в германских и романских языках, ориентированных на двусоставность предложения, употребляются неопределенно-личные местоимения: франц. *on*, англ. *one, somebody*, нид. *men*, нем. *man*, которое было заимствовано в скандинавские языки⁷. Таким образом, в этих языках значение «неопределенно представляемого субъекта»⁸ выражается в предложениях активного залога особым типом грамматического субъекта, а в русском языке – особой грамматической формой предиката.

Одним из основных средств выражения неопределенно-личного агенса в шведском языке является местоимение *man*, которое не требует обязательного указания на отнесенность субъекта речи к неопределенному множеству референтов грамматического субъекта высказывания, но и не исключает этого. В зависимости от контекста, оно может употребляться как в обобщенно-личных высказываниях, так и в высказываниях с конкретной пространственно-временной локализацией; не исключается также его соотнесенность только с субъектом речи, который намеренно предпочитает оставаться в тени.

Соотнесенность *man* с неопределенным множеством неопределенных референтов наглядно иллюстрирует отрывок из интервью с королем Швеции Карлом Густавом XVI, опубликованное в шведском журнале в год его пятидесятилетия⁹ (перевод мой. – Е. Ч.):

Stefan Mehr: Hur var det att växa upp som ensam pojke bland alla dessa kvinnor?

¹ Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенности и обобщенности // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. М., 1991. С. 50.

² Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. *Op. cit.* С. 60.

³ Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011. С. 294.

⁴ Падучева Е.В. *Op. cit.* С. 36.

⁵ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М., 2001. С. 111.

⁶ Пешковский А.М. *Op. cit.* С. 342.

⁷ Зеленецкий А.Л. Сравнительная типология основных европейских языков. М., 2004. С. 172–173; Лунд К.Х. Русские конструкции с неспецифицированным субъектом действия в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и их соответствия в английском и датском языках // Синхрония, диахрония, текстология: Сб. науч. статей и переводов. К юбилею Е.М. Чекалиной. М., 2016. С. 215.

⁸ Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. *Op. cit.* С. 45.

⁹ *Månadsjournalen*. 1996. Nr 5.

Каково было единственному мальчику среди всех этих женщин?

Carl Gustaf: *Det gick faktiskt förvånansvärt bra. Mina många systrar tog väl hand om mig. Men det ledde till att jag fick umgås med mängder av damer... MAN tyckte det blev lite för mycket.*

На самом деле было на удивление хорошо. Несколько моих сестер хорошо заботились обо мне. Но это привело к тому, что мне пришлось общаться с множеством дам... (НЕКОТОРЫЕ) сочли, что их стало многовато.

SM: *Tyckte kungen det?*

И Вы так считали, Ваше Величество?

CG: *Jag tyckte inte det, men "MAN" tyckte det.*

Я так не считал, но "НЕКОТОРЫЕ" так считали.

SM: *Vem var "MAN"?*

Кто были эти "НЕКОТОРЫЕ"?

CG: *Det vet jag faktiskt inte själv. "MAN" tyckte att jag borde vidga mina vyer – och så hamnade jag på internatskola.*

Я сам этого не знаю. "НЕКОТОРЫЕ" считали, что мне следовало бы расширить свой кругозор – и поэтому я попал в школу-интернат.

Принципиальные структурно-семантические и функционально-прагматические различия между шведским и русским языком предопределяют сложность и вариативность выбора эквивалентов при переводе как со шведского на русский, так и с русского на шведский язык.

Функционально-семантический потенциал шведских высказываний с неопределенно-личным местоимением ярко представлен в новелле современного шведского журналиста и писателя Фредрика Линдстрема «Новый стиль к осени», которая вместе с русским переводом опубликована в сборнике материалов переводческого семинара в Санкт-Петербурге «Вдоль и поперек» (2011). Текст этой небольшой новеллы насыщен предложениями с неопределенно-личным местоимением, что обусловлено художественной спецификой произведения: на трех с половиной страницах *man* встречается в четырех небольших отрывках 21 раз. Изображение главного и единственного героя представлено в новелле как его собственный взгляд на себя со стороны. При этом повествование почти все время ведется в третьем лице без прямой речи, и лишь в конце новеллы, когда герой вступает в диалог с Богом, появляется его личное *jag*. Поскольку семантика шведского неопределенно-личного местоимения не исключает соотнесенности с субъектом речи, использование *man* позволяет передать внутренний голос героя, который вместе с тем созвучен голосу автора новеллы. При переводе на русский язык реализуется несколько контекстуальных эквивалентов, в которых используются различные лексические средства и синтаксические типы предложений.

1. Существительные *человек* и *люди* при обобщенной референции, указывающие на неопределенное множество лиц, представленное как открытый класс, включающий не только человека по имени Лассе, который является главным и единственным героем новеллы, но и её автора, а возможно, и читателя:

Kanske borde han lägga ner hela skiten. Inse att man aldrig blir lycklig¹. – Ему, наверное, пора бросить всю эту муть. Осознать, что человеку никогда не стать счастливым.

¹ Lindström F. Ny stil till hösten. Новый стиль к осени / Пер. А. Шаболтас // Вдоль и поперек. Шведская проза: Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2011. С. 104–111.

Выражение обобщенной референции усиливается в русском переводе использованием бессубъектной синтаксической модели с дательным лица и инфинитивом, которая имеет оттенок «объективной необходимости»¹.

На выбор лексических эквивалентов *человек* или *люди* в приводимом ниже переводе, возможно, влияет морфологический фактор – употребление форм единственного или множественного числа именных частей речи в контексте оригинала:

*Jaha, man blir inte lyckligare av att äta mer glass, dricka mer rödvin, eller bo i större hus med fler gästtoaletter – vad blir man då lycklig av?*² – Оказывается, **люди** не становятся счастливее, если едят больше мороженого, пьют больше красного вина или **живут в более просторных домах с большим числом гостевых туалетов**, – так что же делает человека счастливым?

При употреблении формы единственного числа прилагательного в именной части предиката *lycklig счастливый* в качестве эквивалента неопределенно-личного местоимения используется лексема *человек*, в то время как в случае неизменяемого предиката в сравнительной степени при контекстуальном указании на количественное множество формами существительных выбирается лексема *люди*.

Выбор существительного *человек* в качестве эквивалента шведскому неопределенно-личному местоимению представлен и в переводе новеллы другого современного шведского писателя, которая включена во второй сборник материалов переводческого семинара в Санкт-Петербурге «Бутерброд с вареньем» (2016):

*När man älskar och är mottagen i sin kärlek känner sig kroppen lätt*³. – Когда человек **любит**, и чувство это взаимно, во всем теле чувствуется легкость.

Здесь в шведском оригинале указание на обобщенность референции находит выражение в употреблении возвратно-притяжательного местоимения *sin*⁴.

Следует отметить, что в шведском языке наблюдается тенденция к стилистической однородности текста, создаваемой повторным, иногда многократным употреблением одной и той же конструкции, в том числе с неопределенно-личным местоимением *man*. При переводе на русский язык, напротив, чаще всего требуется снять стилистическую однородность и найти, наряду с лексической заменой существительным *люди*, и другие эквиваленты, создающие стилистическое разнообразие. Приводимый ниже пример из новеллы Ф. Линдстрема хорошо иллюстрирует это:

*När man (1) senast gjorde en rundfrågning bland svenskarna, så visade det sig att man (2) i genomsnitt inte blivit ett dugg lyckligare än man (3) var i början av sextioalet. Det är nästan absurt om man (4) tänker på alla de materiella förbättringar vi fått sedan dess*⁵. – Последний **опрос среди шведов показал** (1 – номинализация), что в среднем **люди** не стали ни на йоту счастливее (2 – люди), чем были (3 – опущение субъекта при повторе предиката) в начале 60-х. Это почти абсурд, если **подумать** (4 – бессубъектная инфинитивная конструкция) обо всех материальных благах, которые появились у нас за эти годы.

При переводе на русский язык здесь используется не только лексическая замена существительным *люди*, но и некоторые другие виды лексико-синтаксических трансформаций, которые более подробно рассматриваются ниже.

¹ Пешковский А.М. Оp. cit. С. 347.

² Lindström F. Оp. cit.

³ Andersson L. Ur Egenmäktigt förfarande – en roman om kärlek. Отрывок из романа «Неправомерное завладение – роман о любви» / Пер. Ю. Томилиной // Бутерброд с вареньем: Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2016. С. 10–14.

⁴ См. об этом: Hultman T.G. Svenska Akademiens grammatik. Stockholm, 2008. S. 121.

⁵ Lindström F. Оp. cit.

2. Местоимение 1 лица множественного числа в качестве переводного эквивалента шведскому неопределенно-личному местоимению:

*Man planerar och planerar och planerar, och under tiden går livet ifrån en?*¹ – **Мы** планируем, планируем и планируем, а жизнь тем временем ускользает от нас?

В шведском оригинале включенность субъекта и адресата речи в неопределенное множество референтов маркируется употреблением местоимения *en* в качестве супплетивной объектной формы *man*². В русском переводе для выражения этого используется одна из «переносных» функций местоимения *мы*, которое говорящий употребляет, «заявляя свою личность, себя как выразителя мысли и воли группы, целого коллектива»³. Ср. также пример из другой новеллы с использованием *мы* при переводе:

*Jag tror nu, så här i efterhand, att man så gärna vill tro att man förstår; att man låter bli att förstå. Ja, att saker och ting liksom blir mer begripliga genom att vi inte förstår dem*⁴. – Сейчас, когда все позади, мне кажется, **нам** настолько хочется думать, будто **мы** все понимаем, что **мы** даже и не пытаемся понять. Да, словно вещи и явления становятся более доступными, когда **мы** их не понимаем.

Выбор местоимения *мы* в качестве эквивалента шведскому *man* обусловлен здесь и употреблением *vi* в последующем высказывании, которое как бы подводит итог авторскому рассуждению в завершающей части сверхфразового единства. Важно, однако, что в обоих случаях субъект речи представлен не как индивидуально-конкретное лицо, а как член неопределенного множества референтов.

3. Бессубъектные синтаксические конструкции с неопределенно-личными модальными предикатами при переводе шведских предложений с *man* и модальными глаголами с инфинитивом.

а) При выражении волеизъявления – с возвратным глаголом *хотеться*, в лексическом значении которого содержится имплицитное указание на лицо:

*Ifall hösten är vuxen, mogen och sofistikerad, så är det precis tvärtom med våren. För att nu inte tala om sommaren. Då vill man vara ungdomlig, nonchalant och nästan lite farlig. Så farlig som man nu kan vara om man har manchesterjeans och jobbar på en tidning för Skogsvårdsstyrelsen*⁵. – Если осень – солидная, зрелая и причудливая, то весна ей прямо противоположна. А лето тем более. Летом **хотется быть** молодым, беззаботным и чуть-чуть рисковым. Настолько рисковым, насколько позволяют вельветовые брюки и работа в газете Управления лесным хозяйством.

Здесь наблюдается как бы незаметное «сужение» от неопределенного множества референтов в первом предложении до представленного «инкогнито» героя новеллы во втором предложении, где неопределенно-личное местоимение *man* употреблено дважды. Стилистически оправданное повторное употребление его в шведском оригинале снимается в русском переводе «переключением» синтаксической функции второстепенных членов предложения – как прямого объекта, так и обстоятельства – на функцию грамматического субъекта с заменой лексического значения предиката.

б) При выражении возможности – с модальным предикатом состояния *можно* и инфинитивом:

¹ Lindström F. Op. cit.

² Hultman T.G. Op. cit. S. 121.

³ Виноградов В.В. Op. cit. С. 365.

⁴ Askestad E. Ett två tre. Раз, два, три / Пер. Ю. Григорьевой // Вдоль и поперек. Шведская проза: Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2011. С. 19–24.

⁵ Lindström F. Op. cit.

Och så **kan man rota fram** gamla vinylplattor och halskedjor och örhängen som **man** aldrig skulle se åt när hösten kommer¹. – А еще **можно достать** старые виниловые пластинки, подвески и серьги, которые осенью уму непостижимы.

в) При выражении необходимости – с неопределенно-личным модальным предикатом *надо*:

Man kan inte sitta på krogen ett helt liv och se varandra i ögonen och **samtala**. Någon gång **måste man se på tv tillsammans också**². – **Невозможно** всю жизнь **сидеть** в баре и **разговаривать**, глядя друг другу в глаза. Когда-нибудь **надо** и телевизор вместе **посмотреть**.

4. Бессубъектное высказывание с предикатом в форме 2 лица единственного числа:

Det viktigaste när **man gör** en syltmacka är att inte snåla med sylten³. – Когда **делаешь** бутерброд с вареньем, самое важное – не жадничать; Tricken när **man ska låtsas** sova är att inte göra för mycket⁴. – Когда **притворяешься** спящим, главное – не перестараться.

Иногда в качестве синтаксического варианта бессубъектной конструкции встречается эксплицитное употребление местоимения *ты*:

På våren och sommaren **blir man** oerhört **ungdomlig**, för att inte säga barnslig. **Man bygger upp** ett helt ny identitet under vinterhalvåret som **man** sedan bara **tar** avstånd ifrån. Helt plötsligt **slutar man** fantisera om museibesök och middagar och vuxenliv i alla former, och bara tanken på att gå omkring i en mörkbrun kostym känns helt absurd. Och där **man** tidigare **sett** en distingerad mogen man sitta med en espresso på något av stadens italienska kaféer, **ser man** nu sig själv med en romantisk kalufs och kvällssol i håret bada med brudar i Råambshovsparken⁵. – Весной и летом **начинаешь** жутко **молодиться**, если не сказать впадать в детство. За холодные полгода **ты становишься** совершенно новой личностью, от которой потом **отнекиваешься**. **Ты** вдруг **перестаешь мечтать** о посещении музеев, званых ужинах и взрослой жизни во всех ее проявлениях, и даже мысль о том, чтобы ходить в темно-коричневом костюме, кажется абсурдной. И если раньше в воображении **ты был** благородным зрелым мужчиной, сидящим в одном из городских итальянских кафе с чашечкой эспрессо, то теперь **видишь** себя купающимся с девушками в Роламбхувспаркен, а в копне твоих волос романтично играет вечернее солнце.

Как было отмечено выше, в шведском языке неопределенно-личное местоимение *man* может употребляться при соотнесенности с субъектом речи, когда говорящий как бы «маскирует» себя, представляя происходящее с ним несколько отстраненно и тем самым подчеркивая свою незначительность. В русском языке бессубъектные обобщенно-личные предложения с предикатом в форме 2 лица единственного числа также не исключают отнесенности говорящего к потенциальным участникам ситуации или могут относиться непосредственно к субъекту речи, если ситуация имеет не конкретный, а потенциально-узуальный характер⁶.

В приведенном выше шведском примере неопределенно-личное местоимение *man* скорее всего предполагает отнесенность не только к субъекту ситуации – герою новеллы Ф. Линдстрема, но и к субъекту, и к адресату речи, о чем свидетельствует спорадическое эксплицитное употребление личного местоимения *ты* в русском переводе, хотя обобщенно-личная семантика при этом сохраняется. В то

¹ Lindström F. Op. cit.

² Andersson L. Op. cit.

³ Karlsson J. Syltmacka. Бутерброд с вареньем / Пер. П. Смирновой // Бутерброд с вареньем: Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2016. С. 129–145.

⁴ Karlsson J. Op. cit.

⁵ Lindström F. Op. cit.

⁶ Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Op. cit. С. 53.

же время использование *man* создает особый стилистический эффект, позволяющий передать в повествовании от третьего лица внутренний голос персонажа. Аналогичные примеры встретились также в тексте другой шведской новеллы, написанной от первого лица:

*Men ni vet hur det är, man inbillar sig saker, får för sig att man anade någonting som man inte kunde ha någon aning om*¹. – Знаете, как иногда бывает: навьдумываешь себе, и взбредет в голову, что возникает понимание чего-то, о чем и представления никакого не имеешь; *Ni vet nog hur man känner på sig att någon stirrar*². – Знаете, как бывает, когда чувствуешь на себе чей-то взгляд.

На включенность не только субъекта, но и адресата речи в неопределенное множество референтов прямо указывает вводная реплика *ni vet знаете*, обращенная к потенциальному адресату высказывания. При этом и в оригинале, и в переводе не утрачивается обобщенно-личная семантика и соотнесенность с неопределенным множеством лиц.

5. Субъектная номинализация при лексико-синтаксической трансформации в обобщенно-личные высказывания афористического характера:

*Men man försöker ju i alla fall*³. – Но попытка – не пытка; *Är det så att man aldrig blir lycklig?*⁴ – Неужели счастье и правда недостижимо?

Смысловое содержание предиката в таких случаях «переносится» при переводе в грамматический субъект.

Следует вместе с тем отметить, что перевод предложений с *man* высказываниями с формой 3 лица множественного числа встречается достаточно редко, главным образом, в тех случаях, когда в контексте содержится указание на дистанцированность неопределенно-личного субъекта от субъекта речи⁵:

*Jag tror knappt ens att han skulle kunna erinra sig händelsen om man frågade honom*⁶. – Думаю, он и не вспомнил бы этот маленький эпизод, если бы его спросили.

В то же время односоставные высказывания с формами 3 лица множественного числа нередко выступают переводными эквивалентами шведских предложений с пассивной диатезой при устраненном агенсе, представленном как «множественная неопределенно-личная масса в качестве действующей среды»⁷. Необходимым условием их употребления в русском переводе является конкретная пространственно-временная локализация события, а также акциональное лексическое значение глагола, предполагающее контролируемое целенаправленное действие одушевленного агенса. В шведском оригинале залоговая семантика предиката может быть выражена как синтетическими формами пассива на *-s*, так и аналитической конструкцией с глаголом становления *bli* и причастием 2. При этом, в отличие от высказываний с неопределенно-личным местоимением *man*, семантика пассивных конструкций в шведском языке исключает интерпретацию субъекта речи как потенциального агенса. Многочисленные примеры соответствий такого рода

¹ *Askestad E.* Op. cit.

² *Askestad E.* Op. cit.

³ *Lindström F.* Op. cit.

⁴ *Lindström F.* Op. cit.

⁵ *Падучева Е.В.* Op. cit. С. 33

⁶ *Lindström F.* Köpenhamn. Швед в Копенгагене / Пер. Ю. Колесовой // Бутерброд с вареньем: Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2016. С. 202–213.

⁷ *Виноградов В.В.* Op. cit. С. 367.

встречаются, в частности, в тексте мемуаров шведского кинорежиссера Ингмара Бергмана¹ и его переводе на русский язык²:

Han fördes till sjukhus efter föreställningen. – После представления его увезли в больницу.

Carl flyttades till Stockholm. – Карла перевезли в Стокгольм.

Dag efter dag släpades eller bars jag vrålande av ångest in i klassrummet. – День за днем меня, орущего от страха, втаскивали или вносили в класс.

Min penna hittades i andra ändan av salen. – Мою ручку нашли в другом конце зала.

Barn talar inte vid bordet. De svarar om de blir tilltalade. – Дети за столом не разговаривают и отвечают лишь в том случае, если к ним обращаются.

Efter två år av vilt fläktande blev jag kallad till Göteborg. – Через два года неустовой борьбы меня пригласили в Гетеборг.

В.В. Виноградов обращал внимание на то, что в русском языке неопределенно-личное употребление формы 3 лица множественного числа «синонимически ассоциируется в кругу переходных глаголов с личными формами пассивного, страдательного залога»³. При этом он подчеркивал, что сам процесс «транспозиции» активной неопределенно-личной формы 3 лица множественного числа в пассивно-личный оборот (как, например, в случаях *поле вспахали* и *поле вспахано*) «ярко обнаруживает ее личный характер, отношение ее к неопределенному лицу (*люди, кто-то*)»⁴.

Вместе с тем при сопоставлении неопределенно-личных высказываний с формами 3 лица множественного числа в русском оригинале и их переводов на шведский язык картина контекстуальных соответствий выглядит более сложно. Так, сопоставительный анализ текстов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»⁵ и его шведского перевода⁶ показывает, что пассивная конструкция используется при их передаче, наряду с другими трансформациями:

Его вывели, поместили в отдельной комнате <...>. – Han fördes bort och placerades i ensamcell<...>.

После этого Ивана повели по пустому коридору и привели в кабинет <...>. – Sedan fördes Ivan längs en tom korridor till ett stort rum<...>.

Из коридора выехала на резиновых колесиках кушетка, на нее переложили затихшего Ивана, и он уехал в коридор, и двери за ним замкнулись. – En sjukhussäng på gummihjul rullades (1) in från korridoren. Den avdomnade Ivan lades (2) upp på den, sköts (3) ut i korridoren och dörrarna stängdes (4) bakom honom.

Представляется, что использование высказываний с пассивным залогом там, где это позволяет лексическая и акциональная семантика переходных глаголов и указание на пациенс, встречается в тех случаях, когда в фокусе внимания находятся контролируемые устраненным агенсом целенаправленные процессы. В таких случаях сообщается о том, что происходило с пациенсом в конкретной ситуации. Особенно показателен в этом плане последний из приведенных отрывков, в котором синтетическая форма пассива на *-s*, акцентирующая в шведском языке процесс и имеющая имперфективную аспектуальную семантику⁷, используется

¹ Bergman I. *Laterna magica*. Stockholm, 1987.

² Бергман И. *Латерна магика* // Исповедальные беседы / Пер. А.А. Афиногеновой. М., 2000.

³ Виноградов В.В. *Op. cit.* С. 367.

⁴ Виноградов В.В. *Op. cit.* С. 368.

⁵ Булгаков М.А. *Мастер и Маргарита* // Булгаков М.А. Романы. Кишинев, 1988.

⁶ Bulgakov Michail. *Mästaren och Margarita*. Översättning och förord Lars Erik Blomqvist. Stockholm, 2006.

⁷ Thorell O. *Svensk grammatik*. Stockholm, 1973. S. 135.

несколько раз подряд: при переводе непереходных глаголов с инактивным субъектом – (1) *выехала кушетка* (букв. *кушетку вкатили*); (2) *он уехал* (букв. *его выкатили*) и (3) формы на *-ся* с инактивной семантикой (*двери закрыли / закрылись*).

В то же время обращает на себя внимание довольно частое использование трансформаций русских неопределенно-личных предложений с формами 3 лица множественного числа в двусоставные синтаксические структуры с неопределенно-личным местоимением *man*. Так, в шведском переводе 27-й главы романа «Конец квартиры № 50» это местоимение встречается 60 раз, из них 36 раз, т. е. более чем в половине употреблений, оно используется при переводе именно таких предложений. Высказывания с неопределенно-личным местоимением часто встречаются при переводе контекстов, где в фокусе внимания находится динамика изменения ситуации, когда сообщается о том, что произошло, происходит или может произойти:

Ивана поддержали еще несколько секунд и потом опустили на диван <...>. Лишь только его отпустили, он опять было вскочил <...>. – Man höll fast Ivan några sekunder och släppte honom sedan ner på soffan <...>. Så fort man släppte honom ville han hoppa upp igen <...>.

В самом деле, засадили здорового человека в лечебницу, да еще делают вид, что это так и нужно! – Man hade ju spärrat in en frisk människa på sjukhus och till på köpet gjort min av att det skulle vara nödvändigt!

Это их ввели на помост. – Nu har man lett upp dem på plattformen.

Вижу, что меня хотят убить. – Jag förstår att man vill döda mig.

Перевод неопределенно-личных предложений с формами 3 лица множественного числа высказываниями с местоимением *man* встречается также в контекстах, содержащих указание на множественность действий и/или их актантов:

<...> с семи часов утра четверга к Босому начали звонить по телефону <...>. – <...> från klockan sju på torsdagsmotgonen började man ringa till Bosoj <...>.

В квартире № 50 побывали, и не раз, и не только осматривали ее чрезвычайно тщательно, но и выстукивали стены в ней, осматривали каминные дымоходы. Искали тайников. – Man besökte mer än en gång lägenheten nr 50, man undersökte den ytterst noggrant, man knackade i väggarna, kontrollerade rökgångarna och letade efter hemliga gömställen.

А между тем всякий раз как в нее направлялись, решительно никого в ней не оказывалось. А были там уже не раз, и в разное время суток. И мало этого, по квартире проходили с семьей, проверяя все углы. – Men varje gång man tog sig in där var lägenheten fullkomligt tom. Man hade redan varit där vid olika tider på dygnet. Man hade finkammat varje hörn av lägenheten.

А между тем меня силою задержали здесь, тычут в глаза лампой, в ванне купают. Про дядю Федю чего-то спрашивают! – Här håller man mig kvar med våld, lyser med en lampa i ögonen på mig, badar mig och frågar mig om farbror Fjodor.

При указании на множественность действий и их актантов, как показывают приведенные примеры, неопределенно-личное местоимение *man* может употребляться несколько раз подряд, в том числе при переводе других способов выражения неспецифицированного агенса в русском оригинале:

Охраняли не только тот путь, что вел во двор через подворотню, но и черный ход; мало этого, на крыше у дымовых труб была поставлена охрана. – Man hade folk utposterade i stora uppgången och vid köksingången. Dessutom hade man poster uppe vid skorstenarna på taket.

К вечеру же пятницы **нашли** и след Лиходеева. Во все города **были разсланы телеграммы** с запросами о Лиходееве <...>. Единственно, чей след **не удалось поймать**, это след Варенухи. – *Mot fredagskvällen fick man också upp ett spår efter Lichodejev. Man hade telegraferat till alla städer och hört sig för om honom <...>. Den ende som man överhuvudtaget inte kunde spåra var Varenuha.*

Слышно было, как барона **впустили** в квартиру. Ровно через десять минут после этого, без всяких звонков, квартиру **посетили**. Но не только хозяев в ней **не нашли** <...>, **не обнаружили** в ней и признаков барона Майгеля. – *Man kunde höra hur baronen släpptes in. På sekunden tio minuter senare steg man in i våningen utan att ringa på. Men man träffade inte på några hyresgäster och <...>, man kunde inte upptäcka det minsta spår efter baron Meygel.*

Вместе с тем, наряду с местоимением *man* как наиболее специализированным способом выражения неопределенно-личного агенса в шведском языке, при переводе русских неопределенно-личных высказываний с формами 3 лица множественного числа используются и другие местоименные лексемы с семантикой неопределенности.

1. Неопределенное местоимение *någon* некто, кто-то:

Наобум позвонили в комиссию изящной словесности и, конечно, никого там не нашли. – *Någon ringde på måfå till Kommissionen för skönlitteratur, men fick förstås inget svar.*

2. Неопределенно-количественное местоимение *flera* несколько (об исчисляемых денотатах), некоторые:

Тут догадались броситься на Ивана – и бросились <...>. – *Flera drog samma slutsats samtidigt och kastade sig över Ivan <...>.*

3. Личное местоимение *de* они при контекстуальном указании на то, что субъект речи не входит в неопределенное множество референтов:

Увидели меня, подумал Пилат. – *De har sett mig, tänkte prokuratorn.*

4. Существительное *folk* люди с обобщенным значением, когда в контексте содержится указание на то, что неопределенное множество референтов ограничено определенным пространством:

В стареньком особнячке знали, конечно, видели, что приходит ко мне какая-то женщина <...>. – *I det där gamla gudsförgätna huset visste folk förstås om det, de hade sett att jag fick besök av en kvinna <...>.*

На Садовую, конечно, съездили и в квартире № 50 побывали. Но никакого Коровьева там не нашли <...>. – *Folk skickades förstås iväg til Sadovaja och besökte lägenheten nummer 50. Men där fanns ingen Korovjev <...>.*

При переводе предиката *съездили* в первом предложении осуществляется лексико-синтаксическая трансформация, которая предполагает использование формы пассива на *-s skickades* (букв. *были посланы*); трансформация имеет место и при переводе формы *нашли* депонентным глаголом с возвратным показателем (букв. *имелся*).

Показательно, что *man* часто встречается в шведском переводе романа М.А. Булгакова при передаче и других способов выражения неопределенно-личного агенса в русском языке, которые, как было показано выше, используются в качестве переводных эквивалентов шведских предложений с этим местоимением.

1. Бессубъектные высказывания с модальными предикатами в форме среднего рода и инфинитивом:

Кто-то суетился, кричал, что **необходимо** сейчас же, тут же, не сходя с места, **составить** какую-то коллективную телеграмму и немедленно **послать** ее. – *En beskäftig person krävde att man omedelbart, här och nu och utan dröjsmål, måste författa och avsända ett kollektivt telegram.*

И уж по глазам Кутайцева **можно было видеть** и смело сказать, что он чист как хрусталь. – *Redan på hans ögon kunde man se att Kitajtsev var oskyldig som ett lamm.*

<...> ни в один из приездов в квартиру в ней **никого обнаружить не удалось** <...> – <...> *man upptäckte ingenting under besöken i våningen* <...>.

Тем временем **пришлось возиться** с происшествиями и в других местах Москвы <...>. **Пришлось разяснить** необыкновенный случай с поющими служащими <...>. Ими впрочем **занимались** мало. Теперь уж **легко было установить**, что эти двое стали жертвами одной и той же шайки, возглавляемой этим таинственным магом. – *Samtidigt var man tvungen att ta itu med händelser på andra håll i Moskva* <...>. *Man måste åstadkomma en förklaring till den egendomliga händelsen med kontorspersonalen* <...>. *Men dessa två hade man inte så stort intresse av. Man kunde lätt fastställa att de hade råkat ut för den hemlighetsfulle magikern och hans kumpaner.*

2. Предложения с личным местоимением *vi* мы в качестве грамматического субъекта:

Но какую телеграмму? **спросим мы** <...>. – *Men vad då för ett telegram? frågar man sig* <...>.

3. Предложения с существительным *люди* в качестве грамматического субъекта:

По всем комнатам мгновенно **рассыпались люди** и нигде никого **не нашли**, но зато в столовой **обнаружили** остатки только что, по-видимому, покинутого завтрака. – *På ett ögonblick hade man spritt ut sig över hela lägenheten, men ingenstans kunde man hitta en levande själ. Däremot upptäckte man på matsalsbordet resterna av en tydligen nyss avslutad frukost.*

Интересно, что и здесь в контексте содержится указание на множественность референтов и/или совершаемых ими действий.

Встречаются и более кардинальные лексико-синтаксические трансформации русских предложений с нарицательными существительными в функции грамматического субъекта, вызывающие необходимость употребления *man* в шведском переводе.

1. Метонимическое употребление нарицательного существительного при выражении соотнесенности с неопределенным множеством лиц в лексическом значении предиката:

Но в это время, то есть на рассвете субботы, **не спал целый этаж** в одном из московских учреждений <...>. – *Men vid samma tid denna tidiga lördagsmorgon fanns det ett ställe där man inte sov alls* <...>.

Тут приехавшая большая **группа разделилась** на две маленьких <...>. – *Man delade upp sig i två mindre grupper* <...>.

2. Употребление в функции грамматического субъекта отглагольных существительных с процессуальной семантикой, содержащих указание на неопределенно-личный агент:

Сопоставление <...> с показаниями других <...> сразу **установило** то место, где надлежит искать виновника всех этих приключений. – <...> *när man alltså jämförde alla dessa upplysningar, kunde man snabbt bestämma var den skyldige bakom alla dessa äventyr skulle sökas.*

3. Употребление фразеологически связанных высказываний, в которых имплицитное указание на личный агенс содержится в лексическом значении грамматического субъекта и/или предиката:

На этот раз если и не полная, то все же какая-то удача была налицо. – *Den här gången såg det ut som om man åtminstone skulle få någon lön för mödan.*

Тут прибавились новые и очень интересные данные. – *Då fick man nya och mycket intressanta upplysningar.*

Контекстуальный анализ лексико-синтаксических и стилистических аспектов выбора переводных эквивалентов выявляет как основные, так и более периферийные средства выражения неспецифицированного агенса при сохранении принципиального структурно-синтаксического различия между языками. Оно проявляется в обязательной двусоставности шведских предложений с различными местоименными способами выражения неопределенно-личного грамматического субъекта (*någon кто-то, vi мы, de они, flera некоторые*) и вариативности односоставных предложений с неопределенно-личными предикатами различной структуры в русском языке. Таким образом, двустороннее сопоставление текстов оригинала и перевода позволяет более ярко и выпукло увидеть специфику каждого языка сквозь призму другого и заметить в каждом из них семантические тонкости и нюансы, остающиеся в тени при системно-типологическом подходе.

ЛИТЕРАТУРА

Бергман И. Латерна магика // Бергман И. Исповедальные беседы / Пер. А.А. Афиногеновой. М.: РИК «Культура», 2000. С. 5–252.

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Булгаков М.А. Романы. Кишинев: Литература артистикэ, 1988. С. 463–768.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Референциальные, коммуникативные и прагматические аспекты неопределенноличности и обобщенноличности // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Изд-во «Наука», 1991. С. 41–62.

Виноградов В.В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Вып. 2. М.: Учпедгиз, 1938. 591 с.

Зеленецкий А.Л. Сравнительная типология основных европейских языков. М.: АСА-DEMIA, 2004. 248 с.

Лунд К.Х. Русские конструкции с неспецифицированным субъектом действия в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и их соответствия в английском и датском языках // Синхрония, диахрония, текстология: Сборник научных статей и переводов. К юбилею Е.М. Чекалиной. М.: МАКС ПРЕСС, 2016. С. 214–223.

Падучева Е.В. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 27–41.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М.: УРСС, 2001. 451 с.

Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: УРСС, 2011. 383 с.

Шелякин М.А. О семантике неопределенно-личных предложений // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Изд-во «Наука», 1991. С. 62–72.

Andersson L. Ur Egenmäktigt förfarande – en roman om kärlek. Отрывок из романа «Неправомерное завладение – роман о любви» / Пер. Ю. Томилиной // Бутерброд с вареньем: Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2016. С. 10–14.

Askestad E. Ett två tre. Раз, два, три / Пер. Ю. Григорьевой // Вдоль и поперек. Шведская проза: Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2011. С. 1–24.

Bergman I. Laterna magica. Stockholm: Norstedts, 1987. 337 s.

Bulgakov Michail. Mästaren och Margarita. Översättning och förord Lars Erik Blomqvist. Stockholm: En bok för alla, 2006. 468 s.

Hultman T.G. Svenska Akademiens grammatik. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 2008. 342 s.

Karlsson J. Syltmaska. Бутерброд с вареньем / Пер. П. Смирновой // Бутерброд с вареньем: Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2016. С. 129–145.

Lindström F. Köpenhamn. Швед в Копенгагене / Пер. Ю. Колесовой // Бутерброд с вареньем: Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2016. С. 202–213.

Lindström F. Ny stil till hösten. Новый стиль к осени / Пер. А. Шабольтас // Вдоль и поперек. Шведская проза: Материалы семинара переводчиков шведской литературы. СПб., 2011. С. 104–111.

Thorell O. Svensk grammatik. Stockholm: Esselte Studium, 1973. 302 c.

REFERENCES

Andersson L. A Fragment from the Novel “Arbitrary Conduct – a Novel about Love” / Transl. by Ju. Tomilina. In: Sandwich with Jam: Proceedings of the Seminar in Translation of Swedish Literature. St.-Petersburg. 2016, pp. 10–14.

Askestad E. One, Two, Three / Transl. by Ju. Grigorjeva. In: Outside and Inside. Swedish Prose. Proceedings of the Seminar in Translation of Swedish Literature. St.-Petersburg. 2011, pp. 19–24.

Bergman I. (1987) Laterna magica. Stockholm: Norstedts Publ. 337 p.

Bergman I. (2000) Laterna magica. In: Private Conversations / Transl. by A. Afinogenova. Moscow. RIK Kultura Publ., pp. 5–252.

Bulgakov M.A. The Master and Margarita. In: Bulgakov M.A. Novels. Kishinev. Literatura Artistike Publ. 1988, pp. 463–768.

Bulgakov Michail (2006) The Master and Margarita / Transl. and Preface by Lars Erik Blomqvist. Stockholm: En bok för alla Publ. 468 p.

Bulygina T.V., Shmelev A.D. Referential, Communicative and Pragmatic Aspects of the Indefinite and Generalized Personality. In: Theory of Functional Grammar. Personality. Voice. St.-Peterburg. Nauka Publ. 1991, pp. 41–62.

Hultman T.G. (2008) The Swedish Academy Grammar. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag Publ. 342 p.

Karlsson J. Sandwich with Jam / Transl. by P. Smirnova. In: Sandwich with Jam: Proceedings of the Seminar in Translation of Swedish Literature. St.-Petersburg. 2016, pp. 129–145.

Lindström F. A Swede in Copenhagen / Transl. by Ju. Kolesova. In: Sandwich with Jam: Proceedings of the Seminar in Translation of Swedish Literature. St.-Petersburg. 2016, pp. 202–213.

Lindström F. New Style This Autumn / Transl. by A. Shaboltas. In: Outside and Inside. Swedish Prose: Proceedings of the Seminar in Translation of Swedish Literature. St.-Petersburg. 2011, pp. 104–111.

Lund K.H. The Russian Constructions with the Unspecified Agent in M.A. Bulgakov’s Novel “The Master and Margarita” and Their Equivalents in English and Danish. In: Synchrony, Diachrony, Textology: Collected Articles and Translations. Festschrift in Honour of E.M. Chekalina. Moscow. MAKS Press Publ. 2016, pp. 214–223.

Paducheva E.V. Indefinite-Personal Sentence and Its Implicit Subject. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*. 2012. No 1, pp. 27–41.

Peshkovsky A.M. (2001) *Russian Syntax in the Light of Science*. 8th ed. Moscow. URSS Publ. 451 p.

Plungjan V.A. (2011) *Introduction to the Semantics of Grammar: Grammar Meanings and Grammar Systems in Languages of the World*. Moscow. URSS Publ. 383 p.

Sheljakin M.A. On the Semantics of Indefinite-Personal Sentences. In: *Theory of Functional Grammar. Personality. Voice*. St.-Petersburg. Nauka Publ. 1991, pp. 62–72.

Thorell O. (1973) *The Swedish Grammar*. Stockholm. Esselte Studium Publ. 302 p.

Vinogradov V.V. (1938) *The Modern Russian Language. A Grammatical Study of Word*. 2nd ed. Moscow. Uchpedgiz Publ. 591 p.

Zelenetskij A.L. (2004) *Comparative Typology of the Main European Languages*. Moscow. Academia Publ. 248 p.

Сведения об авторе:

Елена Михайловна Чекалина,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena M. Chekalina,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

etch1@yandex.ru